

ЯЗЫКОВАЯ НОРМА И ПРАВИЛА РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Язык является универсальным способом общения людей, средством их влияния и воздействия друг на друга. Язык как единственное средство сохранения опыта и передачи знаний служит той базой, неизменность которой обеспечивает устойчивое преемственное развитие любого человеческого общества, в том числе государства. В моноязычных государствах языковые проблемы редко становятся источником общественных противоречий, но в странах с большой долей социальных групп, обособленных по языковому признаку, проблемы языка, как правило, оказываются государственными проблемами.

Языковая политика любого государства определяется тем, что органы всех ветвей власти, будучи важными, социально значимыми участниками речевой коммуникации, естественным образом заинтересованы в успешности своих функциональных воздействий. Поэтому обеспечение необходимых условий для эффективного влияния на членов общества является важной составной частью такой политики.

Государственное регулирование в сфере языка неизбежно касается нескольких аспектов речевой практики: во-первых, выбора языка (или языков), на котором ведется преподавание в школах и вузах, осуществляется делопроизводство и судопроизводство, публикуются результаты научных исследований; во-вторых, выработки регламента речевой коммуникации в условиях языкового равноправия, когда органы законодательной и исполнительной власти используют несколько языков; в-третьих, регулирования речевой деятельности, нормализации языка, нормотворчества в пределах одного языка.

Если решение о государственном статусе языка является делом политиков, то деятельность, связанная с созданием языковых регламентов и правил, требует привлечения труда лингвистов. Дело в том, что порядок использования языковых средств (т. е. лексических средств и грамматических правил естественного языка) определяется объективным характером языковой системы и общественной природой языка. Учет этих свойств языка при разработке правил и оценке результатов речевой деятельности требует специальных знаний. Ведь научно обоснованные конвенциональные нормотворческие решения позволяют обществу пользоваться одними и теми же языковыми нормами на протяжении столетий.

Языковые правила не всегда бывают формально зафиксированы в академических (т. е. в исчерпывающе подробных) справочниках. Случается, что общественно признаваемые речевые результаты употребле-

С. А. Кузнецов
доктор
филологических
наук

ния языка не имеют нормативной оценки специалистов, бывает и так, что нормативно признанные речевые факты не используются в речевой практике. Это объясняется существующим разрывом между узусом, т. е. порядком, обычаем применения языковых средств, которого стремятся придерживаться носители данного языка, и языковыми нормами, т. е. правилами употребления средств языка, кодифицированными специалистами, закрепленными в авторитетных справочниках, служащими языковым эталоном и реализующимися в языковых образцах.

Узус — это сложившееся обыкновение использования языка, которому исподволь научаются с детства, это привычки и обычаи речевой деятельности, которые складываются в разных слоях и частях общества и закрепляются в общественном сознании помимо нормотворческой деятельности специалистов. Узус — это те речевые результаты, которые исследуются лингвистами для выработки научно обоснованных (т. е. носящих систематический характер) языковых норм. Языковым узусом в той или иной степени владеют все те, для кого данный язык является родным, кто пользуется данным языком с детства. Понятие узуса включает в себя не только обычаи употребления языка в обиходе, быту, в профессиональных коллективах, речевые навыки людей, живущих на одной территории, т. е. опыт использования языка в его разговорной форме (включая искажения, подражания, имитации, эвфемизмы и пр.), но и правила, регламентирующие нормированный литературный язык, т. е. устанавливающие порядок использования языковых средств в письменной форме с определенной целью и в определенных условиях (официально-деловой, научный, публицистический стили языка).

В основе любой кодифицированной нормы лежит узус, он же является и причиной изменения нормативных оценок языковых употреблений. В случае возникновения противоречий между узусом и нормой в речевой практике узус оказывается сильнее нормы, потому что узус — первое, что осваивает человек с детства, тогда как норму изучают специально. По укоренившемуся мнению,

языковые нормы — это те правила орфоэпии, правописания, грамматики и пунктуации, которым учат в школе. Между тем языковые нормы, обобщающие сложившиеся коллективные представления о правильных или неправильных способах и приемах индивидуальной речевой деятельности, оценивающие коммуникативную успешность или неуспешность результатов использования языковых средств в конкретных условиях, основываются на исследовании более широкого круга явлений: изучение системных закономерностей формальных средств выражения языкового содержания, коннотативных особенностей лексики, анализ правил, приемов, используемых для передачи смысла и т. п. Как писал С. И. Ожегов, «норма — это совокупность наиболее пригодных (“правильных”, “предпочитаемых”) для обслуживания общества средств языка, складывающихся как результат отбора языковых элементов из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов».¹ В общем понимании норма — это «наиболее распространенные из числа сосуществующих, закрепившиеся в практике образцового использования, наилучшим образом выполняющие свою функцию языковые (речевые) варианты».²

Таким образом, языковая норма, основываясь на узусе, являясь частью узуса, выбирает из него лишь то, что соответствует системным закономерностям языка, используется носителями языка из разных социальных слоев и не имеет узкой территориальной закрепленности. Будучи сформированной и кодифицированной, норма как системная, общепонятная часть речевой практики противостоит стихии своих территориальных, социальных и асинхронных вариантов. Консерватизм — важное атрибутивное качество нормы, он позволяет ей, преодолевая изменчивость и вариативность узуса, осваивать только те новаторские элементы узуса,

¹Цит. по: *Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры речи. М., 1980. С. 40.

²*Розенталь Д., Теленкова М.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976. С. 210.

которые не противоречат фундаментальным свойствам языка.

Литературный язык состоит из совокупности языковых норм. От других форм существования языка его отличает полнота социального функционирования и применимость ко всем областям человеческой деятельности. В понятии языковой нормы можно выделить два аспекта: языковая нормативность и языковая нормированность.

Нормативность языка — это аспект, связанный с представлением об эталоне языка, т. е. о своде тех лексических единиц и правил их использования, который признается нейтральным. Под нейтральностью понимается характеристика языкового средства как общеупотребительного, позволяющая применять его в любом функциональном стиле литературного языка.

Нормативность речи — это использование говорящим тех норм литературного языка, которые в любом функциональном стиле речи являются нейтральными.

Нормированность языка — это аспект, связанный с представлением о стилевых образцах языка, т. е. о своде тех единиц и правил, которые представляют языковую норму в определенном речевом стиле.

Нормированность речи — это соблюдение норм литературного языка, соответствующих конкретным условиям языковой коммуникации. Нормированность предполагает использование таких средств литературного языка, которые имеют дополнительную качественную характеристику, отличающуюся от нейтральной.

Стилистически маркированные языковые средства составляют значительную часть языка. Они не входят в состав нормативных средств языка, а существуют параллельно с ними. Использование стилистически окрашенных средств позволяет говорящему вместе с основным содержанием вносить в высказывание дополнительное оценочно-квалифицирующее содержание.

Иногда, когда речь заходит о бранных, обценных словах, нормативная лексика противопоставляется ненормативной лексике. Тем самым вся лексика литературного языка противопоставляется той части лек-

сики городского просторечия, которая до недавних пор не использовалась в печатных текстах. В определенном смысле такое противопоставление оправдано, если иметь в виду, что бранная и обценная лексика при нормировании выделяется в особые группы слов, расположенные на самой дальней периферии литературного языка. Их использование в русском литературном языке строго ограничено стилем художественной литературы, в остальных стилях литературного языка использование этой лексики недопустимо. Вместе с тем в структуре понятий, используемых в данной статье, нормативности противопоставляется нормированность. Можно утверждать, что все языковые средства, составляющие литературный язык, являются нормированными, но не все из них нормативны. Нормативными по определению могут быть только нейтральные языковые средства, составляющие языковой эталон.

Нормативность стиля — это понятие, характеризующее узусальные языковые средства, используемые в конкретном стиле литературного языка, реализующем в определенной речевой форме. Стилистические характеристики языковых средств отражают существующее в литературном языке функциональное расслоение не только лексических единиц, но и грамматических правил их использования в тексте на две большие группы: письменные формы речи и разговорные формы речи. Вариативность целей, реализуемых в процессе речевой деятельности, предопределяет различие функционально обусловленных форм речевого общения. В соответствии с ними выделяются стили официальной речи (письменные): деловой, административно-правовой, общественно-политический, публицистический, научный. Им противопоставлены стили неофициальной (разговорной) речи: разговорно-бытовой, профессиональный, городское просторечие, диалектный.

Языковые средства, составляющие узус литературного языка, расслаиваются также по признаку хронологической отнесенности (устаревшие—новые средства) и по признаку эмоционально-экспрессивной оценки (от одобрительной до презрительной).

Литературно-художественный и поэтический стили стоят несколько особняком, поскольку являются интегральными. Язык художественной литературы использует все выразительные возможности языковых средств литературного языка: содержательный потенциал нормативных средств и содержательно-выразительный потенциал нормированных средств языкового узуса. Языковые нормы применительно к языку художественной литературы действуют только в отношении внешнего оформления текста, орфографии и синтаксиса. Однако и эти правила в художественных текстах могут не использоваться, поскольку такие тексты часто создаются и живут по законам художественного творчества.

Нормированность языка, фиксируемая в словарях и грамматиках, — результат деятельности специалистов. Та часть языковых средств, которая используется и понимается всеми носителями языка одинаково, нормируется указанием на системно-структурные правила, т. е. кодификация осуществляется путем ссылки на языковые закономерности, подтверждаемые узусом и осознаваемые носителями языка. Такая языковая норма является естественной, и для нее используется дескриптивный (описательный) способ толкования.

Если идентичность в использовании языкового средства отсутствует, то его нормированность создается искусственно, и языковая норма вводится целенаправленно. В этом случае используется прескриптивный (предписывающий) способ, когда норма устанавливается путем ссылки на мнение лингвистов и людей, профессионально владеющих литературным языком (писатели, ученые, редакторы и другие специалисты, которые в силу своих профессиональных занятий должны знать не только языковой узус нескольких стилей литературного языка, но и собственно языковую норму, нормативный язык).

Искусственные нормы оказываются самым слабым звеном языкового нормотворчества, так как служат источником конфликтов в речевой деятельности, которая часто основывается на варьирующемся узусе.

Например, усилия лингвистов по внедрению в коллективное сознание места ударения в личных формах глагола *звонить* похожи на сизифов труд — ошибочный (с точки зрения нормы) выбор делается регулярно.

При нормировании языковых фактов обычно используются три основных критерия: соответствие возможностям системы языка, регулярная воспроизводимость, общественное одобрение образованной части общества (т. е. носителей литературного языка). Если какой-то из этих критериев применить невозможно по объективным причинам, то такая искусственная языковая норма будет неизбежно отторгаться обществом. В частности, политически мотивированное изменение написания или употребления отдельных слов обычно приводит лишь к возникновению дополнительной вариативности, которую норма по общему правилу должна устранять. Например, написание *Таллинн* встречается в Интернете 6 млн раз, а *Таллин* 4 млн раз, употребление предложно-падежной словоформы *в Украине* использовано на 62 млн страниц Интернета, а словоформа *на Украине* употреблена на 60 млн страниц. Написание *Кыргызстан* использовано 6 млн, а *Киргизия* — 10 млн раз.

Несмотря на это, нормализаторская деятельность специалистов в области языка необходима, поскольку она вскрывает закономерности, свойственные языковому ядру, пополняет языковой эталон и удаляет из него устаревшие элементы, устанавливает новые образцы речевой деятельности, совершенствует способы описания образцового языка, предохраняет литературный язык от стихии узусных употреблений. Например, согласно действующим правилам в названии *Государственная дума* первое слово должно писаться с большой буквы, а второе — с маленькой, так как в этом случае слово *дума* является именем нарицательным. Ср.: *Госдума*, *Мурманская областная дума*. Если используется только одно слово *Дума*, то это слово пишется с большой буквы как имя собственное. Однако в Конституции РФ используется написание *Государственная Дума*. Такое написание имеет своим обоснованием трактовку слова *Дума* как имени собственного, анало-

гичного наименованию *Российская Федерация*. В соответствии с этим в узусе широко распространены написания: *Саратовская областная Дума, комитет Областной Думы, председатель областной думы*.

Налицо недостаточная нормализаторская деятельность лингвистов. Именно они должны вырабатывать и пропагандировать единые орфографические правила. Для тех, кто использует языковые справочники, важно, чтобы они были современными и полными (современность в смысле отражения актуальных фактов нормированного языка; полнота в смысле описания всех существующих языковых явлений: лексических типов и синтаксических конструкций). Словарь и грамматика должны полно описывать два типа явлений: системные явления, подводимые под общее правило (дескриптивные нормы), и прескриптивные нормы, представляющие собой обоснованный выбор вариантов узуса.

Если результаты нормализаторской деятельности в области лексики русского языка широко представлены в словарях (общих и поаспектных), то результаты описания норм синтаксиса, норм дискурса известны явно недостаточно. Между тем синтаксические средства языка, используемые в письменных формах речи, довольно чувствительны к порядку слов, с помощью которого выражается актуальное членение предложения. Любое отклонение от обычного порядка слов является для слушателя сигналом к особой смысловой интерпретации услышанного. Поэтому инверсия словорасположения нормируется правилами разговорной речи. Объясняется это ограниченными возможностями письменного текста для передачи авторского коммуникативного задания средствами актуального членения (которое в устной речи передается интонацией). Например, языковой нормой для книжного стиля предписывается избирать такой порядок словорасположения, при котором синтаксически связанные члены предложения, находясь рядом, не нарушают нейтральность интонационной конструкции. Согласно этой норме прилагательное в функции определения должно предшествовать определяемому существительному. В этом случае интонационный центр совпа-

дает с главным словом словосочетания. Если автор допускает инверсию, то происходит рассогласование синтаксического и интонационного центра предложения. Такой способ построения предложения нормируется как разговорный. Ср.: *Вдруг передо мною рывина глубокая* (Лерм.); *Ну, молодые люди входят к товарищу, у него обед прощальный* (Л. Толст.); *Я понял, что мысли мои не стоят гроша медного* (Чех.); *Мох седой далеко вокруг нивы, на сотни верст лежит, на нем сосенки курносые в рост человека и берёзки корявые могут только расти* (Пришв.).³ Конструкция с инверсией зависимого существительного в родительном падеже относительно определяемого существительного также квалифицируется как разговорная. Ср.: *Грушицкого страсть была декламировать* (Лерм.); *Этот самый старичок, с узелком-то, генерала Жукова дворовый...* (Чех.).⁴

Требование к нейтральности лексики, входящей в состав нормативных языковых средств, оправдано коммуникативной целью официальных стилей — созданием общепонятного текста. Для этого текст должен обладать свойствами однозначности, определенности, объективности. Под объективной формой изложения понимается апелляция к рациональному мышлению читателя. В нормативной письменной речи не принято использовать слов, которые нормированы в разговорных (неофициальных) стилях речи. Например, в тексте *«Президент России Дмитрий Медведев заявил в послании Федеральному собранию, что в российском обществе демократическое устройство уже не ассоциируется с хаосом, бессилием и деградацией»* все слова использованы нормативно, они соответствуют официальному стилю письменной речи.

Однако при устной форме изложения, когда интонации говорящего становятся одним из главных средств эмоционального воздействия на слушателей, языковой нормой допускается выражение личного отношения к излагаемым фактам средствами, нормированными для разговорной речи. При этом

³Примеры из: *Русская грамматика*. М., 1980. Т. II. § 2156. С. 204.

⁴Примеры из: Там же. § 2158. Примечание. С. 205.

следует отметить, что в последнее время степень эмоциональной окрашенности избираемых для официальных выступлений средств стала выше. Ср. слова Д. Медведева из его выступления перед Федеральным собранием: «Предпринимателей “замучали” проверками и “наездами” по коммерческим наводкам... надо, чтобы и наши правоохранительные органы, и органы власти перестали “кошмарить” бизнес...».

В целом при оценке нормативности текста следует учитывать оба аспекта языковой нормы: нормативность использованных языковых средств и их нормированность относительно языкового эталона. Анализ языка законодательных актов РФ показывает, что в кодексах используются исключительно нормативные лексические и грамматические языковые средства. Общее количество слов, использованных в текстах кодексов, составляет около 8,5 тыс. Кроме имен собственных и их производных (типа *Россия, РСФСР, СССР, РФ, Беларусь, Бразилия, Канада, США* и т. д.; *Москва, Санкт-Петербург, Париж* и т. д.; *европейский, дальневосточный, черномыльский, южно-африканский* и т. п.) используются также слова, которые не отмечены в академических толковых словарях русского языка (около 120 слов). К таким словам относятся специальные термины (типа *абандон, авалист, аддендум, актуарий, аннуитет, варрант, вермикулит, делькредере, диспач, диспаш; авалорный, анадромный, апатит-нефелиновый, бербоут-чартерный, дисбурсментский* и т. п.), производные слова, образованные по стандартным продуктивным словообразовательным моделям; сложносоставные прилагательные (*бактериально-паразитический, варено-мороженный, водно-болотный, водно-железнодорожный, военно-вспомогательный, врачебно-трудоустрой, командно-измерительный, лимитно-заборный, навигационно-гидрографический; вкусоароматический, водочитывающий, камнесамоцветный, лесоводственный; внереализационный, внесудебный, выправительный, малодетский, многолесный, мягколистственный, невзаимозависимый, недежный, неповеренный, непройденный, оборотоспособный* и т. п.), словообразовательные варианты известных прилагательных (*без-*

документарный, бесхозный, кварц-пошлинатовый, культуртехнический и т. п.), существительные с известной или известными основами слова (*агентирование, агрохимикаты, агроузел, бортоператор, безотзывность, виноматериалы, возвратность, возмездность, гидроресомелиорация, культинвентарь, маслосемена* и т. п.). Встречаются слова, которые еще не освоены даже узусом русского языка (*инжиниринговый*). Такие слова обычно поясняются в тексте статьи закона, например: «*К инжиниринговым услугам относятся инженерно-консультационные услуги по подготовке процесса производства*» (ст. 148 Налогового кодекса РФ). Слова, произведенные от известных лексических основ, в тексте кодекса обычно не имеют специальных толкований, поэтому при отсутствии этого слова в толковом словаре значение слова может оставаться неясным (неопределенным). Например, в п. 1 ст. 56 Воздушного кодекса РФ читаем: «*Экипаж воздушного судна состоит из летного экипажа (командира, других лиц летного состава) и кабинного экипажа (бортоператоров и бортпроводников)*». В этом толковании использованы два слова (*кабинный* и *бортоператор*), которых нет в толковых словарях. Соответственно, термин *кабинный экипаж* становится непонятным, так как в узусе внутреннее пространство самолета принято делить на кабину (где сидит экипаж летчиков) и салон (где работают бортпроводники). Приведенная в законе трактовка состава воздушного судна нарушает узусное понимание этих слов. Чем различаются функции бортоператоров и бортпроводников, в законе не сказано. Специальные изыскания позволяют установить, что бортоператором является член экипажа воздушного судна, ответственный за погрузо-разгрузочные работы, доставку груза и т. п. Бортоператоры работают на грузовых самолетах, а бортпроводники — на пассажирских. Думается, что подобные несогласованности в описании специальной лексики могут служить источником юридических казусов.

Правила речевой деятельности согласуются с требованиями языковой нормы в отношении использования языковых средств, но они также учитывают и ряд дополни-

тельных важных условий, которые связаны с логическими основаниями речевой коммуникации. Иными словами, при анализе целого текста необходим учет не только языковой формы изложения, но и коммуникативной установки, которая закладывается в текст его автором. В этом случае проблема состоит в логико-смысловом анализе текста, его целевой направленности, поэтому задачи, которые приходится решать при таком анализе, связаны не только с проблемами стилистической маркированности языковых средств. В качестве иллюстрации можно привести слово *момент*, которое в кодексах РФ использовано более 600 раз. Это одно из самых частотных слов, употребленных законодателем. В своем основном нормативном значении слово *момент* обозначает временную точку или определенную краткую фазу в развитии какого-либо процесса. Например, если «момент задержания» имеет ясные признаки своего начала (ср. п. 2 ст. 48 Конституции РФ: «Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения»), то употребление этого слова в данном контексте оправдано. Если ясности в том, что следует считать «моментом задержания», нет, то необходимо признать: слово *момент* используется ненормативно, так как возникает неоднозначность его понимания. В другом фрагменте того же текста читаем: «Государственная Дума не может быть распущена с момента выдвижения ею обвинения против Президента Российской Федерации до принятия соответствующего решения Советом Федерации» (п. 4 ст. 109 Конституции РФ). Однозначно определить временную точку для генетивной конструкции с двумя свернутыми предикатами (каждый из которых соотносится с глаголами совершенного и несовершенного вида) даже теоретически невозможно. Это равносильно попытке дать количественное определение тому, что есть «куча камней». И уж совсем ненормативно употребление слова *момент* в словосочетании «момент осуществления» вместо слова *время*.

Ср. п. 3 ст. 123 Кодекса внутреннего водного транспорта: «...военные корабли, военно-вспомогательные суда и другие суда, находящиеся в собственности Российской Федерации, собственности субъектов Российской Федерации или эксплуатируемые ими и используемые в момент осуществления спасательных операций...». В иных случаях законодательные акты содержат противоречащее друг другу временное шкалирование событий. Ср. п. 3 ст. 49 ГК РФ: «Правоспособность юридического лица возникает в момент его создания (п. 2 ст. 51) и прекращается в момент завершения его ликвидации (п. 8 ст. 63)». Однако в тех пунктах, на которые ссылается цитируемая норма, временная точка заменяется на временной отрезок (в п. 2 ст. 51 ГК РФ читаем: «Юридическое лицо считается созданным со дня внесения соответствующей записи в единый государственный реестр юридических лиц») или временной период (п. 8 ст. 63 ГК РФ: «Ликвидация юридического лица считается завершенной, а юридическое лицо — прекратившим существование после внесения об этом записи в единый государственный реестр юридических лиц»).

Представляется, что без использования технологически точных процедур проверки текстов законодательных актов на предмет однозначности, определенности и объективности их содержания довольно трудно добиться соответствия буквы закона его смыслу. Без специального содержательного анализа тексты законодательных актов, создаваемые лишь с опорой на интуицию и узус его авторов, обречены на повторение предсказуемых ошибок. Между тем при исследовании связного текста анализу должны подвергаться в первую очередь приемы, с помощью которых автор реализует свои коммуникативные установки. Лингвистическая экспертиза зачастую должна исследовать те языковые приемы и способы изложения, которые, в конечном счете, формируют читательское восприятие текста (т. е. понимание сути излагаемых сведений и интерпретацию связей, возникающих между объектами).

У автора настоящей статьи был только один случай (из пяти десятков дел), когда истца в газетной публикации оскорбили об-

ценным словом *мудак*.⁵ Те споры, которые рассматриваются в судах сегодня, редко бывают столь очевидными. Природа большинства спорных мест в текстах, как правило, заключается в разных логико-предметных трактовках языковых фактов, порождаемых не ошибочной, а узусно обоснованной речевой деятельностью.

Часто возникают ситуации, когда на вопросы по поводу одного и того же текста лингвисты дают противоречащие друг другу ответы. В одном случае автору настоящей статьи пришлось экспертировать текст уже после того, как два доцента одной и той же кафедры представили в суд взаимоисключающие заключения. При этом невозможно согласиться с тем, что все дело здесь в ангажированности и профессиональной беспомощности работников регионального вуза при проведении независимой лингвистической экспертизы. Можно предположить, что лингвисты склонны подходить к анализу любого текста с позиций общей теории и типологии значимых элементов системы языка. Ведь принципы и методы такого анализа хорошо разработаны и подробно описаны в научной литературе. Между тем экспертные исследования, которые лингвистам приходится делать по решению суда, должны не только ясно объяснять конкретную речевую ситуацию, но и учитывать смысловую перспективу высказывания (именно на ее фоне семасиология системы языка преобразуется в семасиологию речевой деятельности, а значения слов приобретают уникальные смыслы, обогащенные знанием соответствующей внеязыковой ситуации и определенным суждением о ней). Такой подход дает возможность объективно оценить не только фиксированные «словарные» языковые значения, но и те значения, которые возникают в потоке речи.

В центре внимания лингвистических экс-

⁵Например, за английское слово того же ряда (*moron*), тихо произнесенное в адрес выступавшего президента Дж. Буша-мл., пресс-секретарь канадского премьер-министра Франсуаза Дюкро была немедленно уволена. Этот случай ясно показывает, что уничижительная оценка личности ни при каких обстоятельствах не может быть принята.

пертиз должны находиться такие имплицитные компоненты содержания, которые являются составной частью авторской интенции, входят в авторский замысел текста. При этом имплицитный смысл, вложенный в текст осознанно, называется подтекстом. Подтекст может быть простым и сложным, дополняющим или даже вытесняющим эксплицитное содержание текста.

В качестве иллюстрации случая вытеснения эксплицитных языковых значений скрытым смыслом приведу пример. В одной городской газете в 1997 г. была опубликована статья «М-кин был «смотрящим» от «тамбовцев»?». В преамбуле говорилось, что в статье собраны различные слухи и мнения по поводу убийства вице-президента ЗАО «Н-е СПб.» М-кина, доказать которые невозможно. Первый же абзац статьи содержал слова: «Считается, например, что «тамбовскому» сообществу принадлежат такие предприятия, как «Б-ская ФПГ», ... «Б.-трейд» и некоторые другие предприятия».

Полагая, что статья содержит сведения, порочащие деловую репутацию, руководство АОЗТ «Б-ская ФПГ» и АОЗТ «Б.-трейд» обратились в арбитражный суд с иском к газете.

Для экспертной оценки текста ключевыми были несколько обстоятельств.

1. Автор статьи использовал выражения «существует устойчивое мнение», «существует мнение», «считается», «также ходят слухи» для распространения голословных утверждений, связанных с обстоятельствами гибели М-кина.

2. Статья, строго говоря, не содержала ссылок на какие-либо сведения, полученные из компетентных источников; информация не была подкреплена какими-либо проверяемыми доказательствами. Хотя в качестве единственной причины смерти М-кина указывалась борьба за передел рынка нефтепродуктов между двумя враждующими на этой почве криминальными группировками.

3. Поскольку статья была написана в жанре журналистского расследования, а текст не содержал фактических сведений или конкретных ссылок на чье-либо мнение, чита-

тель неизбежно делал вывод о том, что оговорки типа «*существует мнение*» или «*ходят слухи*» на самом деле должны прочитываться как авторское «*считаю обоснованным*», «*мне достоверно известно*». Поэтому пересказ слухов, содержащийся в статье, должен был восприниматься как авторская оценка личных моральных качеств руководителей указанных предприятий («*члены тамбовского преступного сообщества*»).

Суд первой инстанции признал статью порочащей деловую репутацию истцов и обязал газету опубликовать опровержение. Однако апелляция инстанция, указав на то, что не было самого факта распространения порочащих сведений, это решение отменила и в иске отказала.⁶ Вероятно, с правовой точки зрения, постановление апелляции инстанции было правильным, поскольку слухи, не обладая свойством достоверности и доказуемости независимо от способа их распространения, действительно не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты. Само их существование не поддается объективной проверке.

С точки зрения лингвиста, содержание статьи порочило деловую репутацию истцов, так как указание на наличие слухов и мнений в тексте подавалось читателю как скрытое утверждение о наличии сведений (фактов), которых эти слухи касаются.

Как известно, вместе с кодифицированной знаковой информацией употребление слова в речи несет и разнообразные дополнительные сведения, обусловленные не языковыми значениями, а знанием мира, т. е. естественных связей — причинно-следственных, временных, пространственных, ассоциативных, коннотативных и т. п., знание которых естественно для слушателя. В тексте эти связи обычно никак не проявляются, хотя часто такое знание становится основой тех умозаключений (дедуктивных и индуктивных), которые делаются слушателем под воздействием воспринимаемого им текста. Такая связь между двумя фактами, возникающая в соответствии с логической

⁶ *Защита* деловой репутации. Судебная практика. Постановление от 17 марта 1998 г. // Арбитражные споры. 1998. № 3–4. С. 111–112.

операцией «если... то...», «если А, то В» называется импликацией. В этом случае один факт, имеющий формальное языковое выражение, актуализирует в сознании мысль, не имеющую формального выражения, о другом факте. Такие скрытые значения текста могут быть неосознанными, произвольными и осознанными, намеренными.

Статья о М-кине была написана таким образом, что сведения о порочащих слухах воспринимались читателем как сведения о порочащих фактах. Заявленная цель статьи — рассказать читателям о слухах и мнениях — была фактически подменена изложением авторского мнения. В качестве импликации читатель делал заключение, что упомянутые в статье фирмы являются бандитскими не в фактическом (нормативном) значении, а с оценочной квалификацией (в нормированном значении). Такая импликация, подтверждаемая формально выраженными языковыми средствами, вне зависимости от истинного положения дел могла нанести ущерб деловой репутации. Если закон о защите чести, достоинства и деловой репутации призван защищать личность от оскорбительных оценок, то именно этот случай можно, на мой взгляд, рассматривать как один из ясных.

Менее ясной представляется ситуация, когда негативно оценивается не сама личность, не личностные свойства человека, а действия, которые совершил человек. Свобода авторской оценки фактов (сведений) гарантируется принципом свободы слова, который ограничен только запретом на искажение фактов. Казалось бы, свобода высказывания своего мнения по поводу фактов ограничена уголовной статьей о клевете и объективно не может подпадать под действие закона о защите чести, достоинства и деловой репутации. Однако на практике негативная оценка чьих-либо действий часто воспринимается как оскорбительная оценка личности. В этих случаях, несмотря на то, что суды принимают к рассмотрению дело о защите чести, все равно подспудно возникает вопрос: являются ли сведения, изложенные в тексте, ложными, т. е. являются ли утверждения, содержащиеся в тексте, клеветой

или нет. Такое исследование, на мой взгляд, находится вне компетенции лингвистов.

Объектом лингвистической экспертизы должно быть слово, а не факт, поэтому необходимо строго разграничивать мнение автора о самом человеке, о его личности и мнение автора о фактах, которые связаны с личностью. Можно утверждать, что любое мнение о человеке всегда является оценкой личности: хорошее мнение — хорошая оценка, плохое мнение — плохая оценка. Но если текст содержит авторское мнение о фактах, то вопрос о том, содержится ли в тексте мнение автора о личности, необходимо исследовать специально. В качестве примера приведу представленную на экспертизу заметку «*Бизнес на пеньках*», опубликованную в одной известной газете. Автор заметки иронически описывал деятельность В. — одного из руководителей местного отделения партии зеленых. Поэтому В. обратился в суд с иском о защите деловой репутации.

Как показал анализ текста, общий смысл заметки сводится к утверждению, что В. создает первичные организации для того, чтобы с их помощью получать деньги из западных благотворительных фондов. Это утверждение составляет исходную базу силлогизма, которую можно сформулировать таким образом: если В. руководит несколькими экологическими организациями, то это должно приносить кому-то пользу. Импликация, которую читатели могли сделать при чтении статьи, проясняла, кому именно выгодна подобная деятельность. В отличие от предыдущего текста о слухах и устойчивом мнении про «тамбовцев» в этой статье приводились фактические сведения (после их перечисления в скобках приводится часть текста, относящаяся к выделенным сведениям):

1. В рабочем кабинете В. зарегистрировано 11 экологических организаций.

2. Эти организации имеют один и тот же контактный телефон — телефон кабинета В.

3. В. является сопредседателем местной партии «зеленых».

Эти факты содержатся в начале заметки («*В тесном кабинете зарегистрировано... 11 экологических организаций. Все они откликаются на один и тот же телефон сопредседателя партии “зеленых” В.*»).

4. В. руководит организациями, в качестве юридического адреса которых указан кабинет В. («*Неутомимый В. денно и нощно руководит такими мощными формированиями, как “Общественный комитет по борьбе с организованной экологической преступностью”, “Зеленый союз”, “Молодежная инспекция по охране природы”, “Группа спецконтроля за памятниками природы” и некоторыми другими*»).

5. Результаты работы этих организаций трудно проверить.

6. Некоторые из этих организаций получают финансовую помощь от западных коллег («*Трудно увидеть воочию результаты работы и актив всех этих групп и союзов, но В. это волнует мало. Главная его страсть — гранты. Да, да, элементарная финансовая помощь с Запада, которая нет-нет да и капнет то в одну, то в другую дутую организацию. Вот и весь секрет титанической работоспособности В.*»).

7. Для получения финансовой помощи используется методическая брошюра «Как обеспечить грант».

8. Существует организация по использованию экстрасенсорики в целях охраны папоротников.

9. После проведения вновь зарегистрированной организацией какого-либо общественно значимого действия на ее дальнейшую деятельность у западных коллег (экологические фонды Швеции, Франции, Финляндии и др.) запрашиваются деньги.

10. Эти деньги иногда поступают на счета таких организаций («*Никакой тайны здесь нет. Среди наших доморощенных экологов уже давно в ходу методическая брошюра-распечатка под заголовком: “Как обеспечить грант”. С помпой создается, скажем, организация по использованию экстрасенсорики в целях охраны... папоротников (и такая зарегистрирована в рабочем кабинете В.). О ней объявляется через информационное агентство, выдумывается пара акций, затем следуют заявки на матпомощь в экологические фонды Швеции, Франции Финляндии и т. п. Иногда это срабатывает, доверчивые иностранцы присылают кругленькую сумму в долларах, и сумма эта позволяет “крутить динамо” дальше*»).

11. Члены местного отделения партии «зеленых» перестают признавать В. в качестве сопредседателя своей партии.

12. Одной из организаций, созданных при участии В., является «Лига защиты городской крапивы» («Слов нет, В. — талантливый человек. Настолько талантливый, что местная партия “зеленых” уже начинает открещиваться от своего слишком предприимчивого сопредседателя. Мол, с живыми браконьерами надо бороться, а не “первичные организации” плодить. Но ведь кому что ближе. Так что, если добрый Запад скоро выделит грант для “Лиги защиты городской крапивы”, не удивляйтесь — это еще одно детище предприимчивого эколога»).

Изложенные факты подвергаются автором оценочной характеристике, тем самым он добивается прагматической цели — убедить читателей в том, что приведенные факты соответствуют истине, а их трактовка является объективной.

Важным смысловым элементом заметки является аллюзия вступительного абзаца, который задает иронический тон всему остальному тексту. Литературная аллюзия на одного из героев «Золотого тельца» негативно окрашивает все перечисляемые дальше факты, становясь большей посылкой полисиллогизма, являющегося каркасом всего текста («Когда Александр Иванович Корейко основал в жилой комнате химическую артель “Ревани” и с большим портфелем отправился собирать кредиты, он не знал, что у него найдутся последователи куда более изобретательные»).

Логико-смысловое содержание любого текста предполагает «решение уравнений», т. е. построение модели того коммуникативного процесса, в ходе которого сообщение возникло. Анализ естественного языка показывает, что, помимо многообразия форм реализации умозаключений, в обычных текстах пресуппозиции (презюмции), как правило, опускаются. С формальной точки зрения эти своего рода лакуны в тексте должны восприниматься как отклонение от стандартов полной передачи смыслов, совершающейся по определенным логическим образцам, однако этого не происходит в силу привычности таких пропусков. Хотя опущенное

суждение — обычно общеизвестная, априорная истина, не требующая доказательств, однако в естественном языке говорящий сам часто устанавливает свои «истины», которые не всегда совпадают с общепринятыми или научно доказанными. Поэтому при общей оценке текста важную роль играет критерий истинности предъявляемых в тексте фактов. Проверка этого критерия не может быть частью лингвистической экспертизы. Данные теоретические основания легли в основу главного вывода экспертизы: если перечисленные в заметке факты соответствуют действительности, то их трактовка отражает существо дела, поскольку логическая линия рассуждений восстанавливается полностью, без пробелов, а, с точки зрения норм языка, является закономерной. Языковые средства, использованные в тексте, не наносят ущерба чести и достоинству истца.

Довольно часто случается так, что текст не содержит признаков оскорбительной оценки личности, но тем не менее является для человека обидным. В качестве иллюстрации приведу экспертизу, проведенную по решению П-ского суда. Истец обратился в суд с просьбой о компенсации морального вреда, нанесенного ему публикацией в республиканской газете статьи «“П-маш завод” в позе лотоса» и статьи «Распальцовка в виде лотоса». Истец утверждал, что выражение «выполняют лишь роль ширмы» означает «его нечестность, недобросовестность по отношению к третьим лицам, его желание прикрасить своими действиями намерения и действия другого лица», а слово «распальцовка» автор статей использует для того, чтобы указать на криминальный характер действий истца.

В экспертном заключении указывалось, что выражение «выполняют лишь роль ширмы» означает «служат прикрытием для кого-, чего-л.», однако оно не является самостоятельным. Анализируемое выражение должно быть дополнено предложением, определяющим в статье существительное «ширма». Установление точного соответствия между подлежащим основного предложения и подлежащими второстепенных предложений рассматриваемого фрагмента текста позволяет утверждать, что выражение «выполня-

ют лишь роль ширмы» автор соотносит не с личностями, а с именами супругов С., так как «за ширмой скрывается имя истинного владельца». Иными словами, автор газетной статьи на самом деле утверждает, что имена четы С. являются лишь прикрытием для имени истинного владельца акций. Речь в исследуемом отрывке идет только об именах, журналист избегает каких бы то ни было оценок личности С. и вместе с тем опосредованно (не нанося ущерба чести и достоинству супругов) высказывает свое мнение о степени самостоятельности владения ими акциями завода.⁷ Никаких иных смыслов исследуемый текст не содержит, хотя, возможно, дает почву для его произвольных трактовок. Например, упрек С., высказанный в его письме, опубликованном газетой («*“ширма” — такую роль в семье определил для меня и моей жены автор*»), является необоснованным. Таким образом, выражение «*выполняют лишь роль ширмы*» объективно не означает в данном тексте оценки личных качеств истца.

Кстати, мнение, высказываемое автором статьи, относительно несамостоятельного владения акциями подкреплялось в тексте несколькими аргументами, истинность или ложность которых невозможно проверить лингвистическими методами.

По поводу слова *распальцовка* в экспертизе было дано разъяснение, что оно, находясь на дальней периферии русского литературного языка, используется в молодежном жаргоне для характеристики так называемых «новых русских» (разнородной социальной группы быстро разбогатевших людей). Слово *распальцовка* указывает на те жесты рукой, сопровождающие речь «нового русского», которыми он пытается подчеркнуть собственную значимость, авторитетность, солидность. Слово входит в один смысловой ряд со словом *понт* и означает «внушительный вид; важничанье; апломб, гонор; заносчивость, спесь». Это слово — результат стяжения фразеологизма *делать пальцы веером* (имеющего тот же смысл, что и *держаться с понтом, понтить*).

⁷Автор статьи считал, что истинным владельцем акций завода является муж дочери пенсионеров С.

С одной стороны, заголовок «*Распальцовка в виде лотоса*» структурно объединяет всю подборку материалов: вводную статью, пересказывающую суть предыдущей публикации, письмо С. в редакцию и подробный ответ на него. Думается, что таким образом автор определял смысловую стержень всей подборки. Слово *лотос* здесь использовалось, по-видимому, лишь для указания на предыдущую публикацию.

С другой стороны, содержание заголовка газетной полосы относится прежде всего к письму С., так как оценивает его общий смысл. Поэтому заголовок означает: «заносчивость, важничанье нового русского», а высказываемое в ответе редакции мнение о содержании письма С. совпадает с общей оценкой письма, данной в заголовке.

Несмотря на то, что смысл заголовка «*Распальцовка в виде лотоса*» не поддается однозначному толкованию, можно со всей определенностью утверждать, что заголовок отражает мнение журналиста о содержании письма С., а не о нем самом. Этим заголовком журналист утверждает, что письмо С. в газету есть «*распальцовка в виде лотоса*». В тексте редакционной статьи приводятся факты, подтверждающие это мнение.

В экспертизе делался общий вывод, что текст публикаций содержит ясно выраженное мнение журналиста о фактах, событиях, отношениях, а не о личностях. С точки зрения эксперта, честь, достоинство и деловая репутация истца задеты не были, хотя смысловые импликации, которые неизбежно делал читатель, вполне возможно, показались истцу обидными и потому вызвали его досаду и раздражение.

Это судебное дело подтверждает насущность поиска ответа на вопрос: может ли текст, который содержит авторскую оценку действий человека, осмысляться экспертом как содержащий скрытую оценку самой этой личности. Думается, что при размышлениях на эту тему необходимо учитывать тонкую грань, отделяющую действия, прямо характеризующие личность, от всех других действий человека. В качестве актуального примера здесь можно вспомнить известный пассаж В. В. Путина, касающийся процедуры

обрезания. Слова В. В. Путина не содержали скрытых оценок личности корреспондента, но ироничное приглашение в Москву на обрезание, в результате которого *«ничего не вырастет»*, вызвало резкий эмоциональный протест. Продолжая примеры, можно заметить, что, если бы автор заметки о действиях эколога В. вместо использования аллюзии на персонаж из «Золотого теленка» прямо указал бы, что В. является последователем Корейко или действует, как Корейко, — это можно было бы рассматривать как оскорбление. Если бы автор статей о владельце акций завода заявил бы, что С. является ширмой, за которой скрывается другой человек, — это порочило бы репутацию истца, поскольку оценивало бы самого человека.

Оборотная сторона этой проблемы заключается в вопросе: может ли эксперт проводить содержательный анализ текста для определения логических противоречий между выводами и исходными посылками?

При ответе на этот вопрос следует исходить из того, что импликационные процессы, возникающие под воздействием полученной знаковой информации, являются производными от нее. Они лежат в сфере мыслительных процессов, порождаемых текстом, и являются фактом сознания, а не языка. В этом состоит принципиальное различие между языковыми и импликационными значениями. Лингвистическая экспертиза должна опираться прежде всего на языковые значения, порождаемые в речи. Исследование языковых значений ограничивает глубину интерпретации анализируемого текста и очерчивает объективные границы, отделяющие лингвистический анализ текста от порождения собственного смысла, приписываемого тексту.

В качестве примера приведу экспертное заключение, в котором использовался логико-содержательный анализ текста. Исследовалась заметка *«Никаких Prodigy в городе не ожидается»*, опубликованная в рекламном журнале. Истцы утверждали, что в ней содержался призыв не ходить на концерт, поэтому выступления группы прошли в полупустом зале.

Экспертизой было установлено, что в тек-

сте делалось три утверждения о предстоящем концерте группы «Джилтед дженерейшн»:

Утверждение 1. В городе висят афиши, рекламирующие концерт ансамбля Prodigy. (Этим утверждением начинается текст: *«Вы наверняка обратили внимание на афиши, расклеенные по городу и рекламирующие концерт во Дворце спорта 25 сентября»*.)

Утверждение 2. На самом деле во Дворце спорта будет выступать другой ансамбль. (Это утверждение содержится во втором предложении: *«Если у вас еще остались сомнения, то сообщаем — это не Prodigy»*.)

Утверждение 3. Организаторы концерта не дают ясных ответов на вопросы, связанные с предстоящим концертом. (Это утверждение содержит фразы предпоследнего абзаца статьи: *«На все эти вопросы организаторы дают уклончивые ответы, ссылаясь на неточность условий контракта и нерадивость исполнителей. Мол кто-то кого-то не так понял»*.)

Утверждение о том, что *«организаторы концерта дают уклончивые ответы»*, основывается на общем недоверии автора заметки к действиям организаторов концерта (*«Учитывая обманчивое оформление афиши, и в остальное верится с трудом»*, т. е. автор с трудом верит в то, что сообщают о концерте его организаторы). Действия организаторов, по мнению автора, направлены на обман зрителей. Обман ему видится и в оформлении афиши, и в тех пояснениях, которые дают организаторы концерта. Тем самым все слова и действия организаторов концерта оказываются неправомерными, т. е. не имеющими законных оснований и совершающимися неправильно.

Из текста заметки становится ясно, что фоном для афиши послужила обложка альбома Prodigy 1994 г. На самой афише было по-русски указано: *«25 сентября в 20:00 во Дворце спорта 2 часа безумной энергии»*. Кроме этого на афише была изображена символика ряда фирм. Никаких других указаний афиша не содержала.

Слова организаторов концерта были введены в текст статьи после союза *якобы*, так ее автор выразил свое неверие в правдивость сообщаемых сведений: *«По словам организаторов, едет английская группа, в которой*

якобы играет Лиэм Хаулетт, лидер легендарных Prodigy. Коллектив должен исполнить как свои, так и хиты Prodigy — отсюда и красноречивые афиши. Полторачасовую вечеринку будет вести известный ди-джей, а посетить ее обещает в качестве гостя сам Кейт Флинт».

Будущий концерт, по мнению автора, без сомнения подтвердит ту негативную авторскую оценку, которая дается всем действиям организаторов концерта. *«Вы, конечно, можете во всем разобраться сами, купив билет на концерт за 100 или 300 рублей».*

Таким образом, в качестве вывода автор предложил читателям задуматься — стоит ли читателю статьи, заплатив от 100 до 300 рублей, на собственном опыте убеждаться в том, что его обманули. Следуя за авторской оценкой фактов, читатель должен сделать следующую импликацию: раз организаторы меня пытаются обмануть, то ходить на этот концерт не стоит.

Экспертиза показала, что, исходя из ло-

гики изложения фактической стороны дела, авторский вывод должен быть другим, а именно: организаторы пытаются привлечь публику на концерт, где будет исполняться музыка ансамбля Prodigy, но читатель должен сам решать, нужно ли ему идти туда, где собственно Prodigy выступать не будет.

Для того чтобы анализировать подобные тексты, необходим последовательный контроль процедуры выявления связей формально выраженных языковых значений с совокупными условиями их реализации. Определение таких контекстных связей и есть интерпретация текста. Основу лингвистической интерпретации текста должны составлять материально выраженные единицы языка. Такой подход к анализу текста позволит разработать инструменты и технологию для объективной верификации экспертных выводов. Он сделает затруднительным использование таких интерпретаций текста, которые порождены собственными случайно привнесенными смыслами.